

УДК 821.161.1

Лирическая биография А.С. Пушкина в поэзии Г.В. Иванова

Леонтьева Анна Юрьева, кандидат филологических наук, доцент
Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева
Петропавловск, Республика Казахстан

Аннотация. Статья посвящена интерпретации лирической биографии А.С. Пушкина в художественном мире Г.В. Иванова. Выводы опираются на историко-генетический, сравнительный и биографический методы литературоведческого анализа, филологическое описание и культурологический комментарий.

Ключевые слова: акмеизм, лирическая биография, панхронизм, прецедентный текст, художественный мир.

The lyrical biography of a. s. Pushkin in the poetry of G. V. Ivanov

Leontieva Anna Jur'evna, candidate of philological Sciences, associate Professor
North Kazakhstan state University named after M. Kozybaev, Petropavlovsk, Kazakhstan

Abstract. The article is devoted to the interpretation of the lyrical biography of A.S. Pushkin in the artistic world of G. V. Ivanov. The conclusions are based on historical-genetic, comparative and biographical methods of literary analysis, philological description and cultural commentary.

Keywords: Acmeism, artistic world, lyrical biography, panchronism, precedent text.

DOI: 10.5281/zenodo.2590787

...Пушкина пресветлый взгляд...

Б.Ш. Окуджава

Трудно переоценить значимость личности и творчества А.С. Пушкина для акмеистов. Г.В. Иванов подчёркивает: «...величие Пушкина равно величию породившей его культуры», «...имена Пушкина и России почти синонимы» [1, т. III, с. 191]. Наша цель – рассмотреть особенности формирования лирической биографии А.С. Пушкина в творческой практике поэта-младоакмеиста.

Биография в литературе – это художественное осмысление «истории жизни личности, нацеленное на поиск и выявление истоков общественно значимой деятельности человека в его индивидуальном биографическом опыте» [2, стб. 90]. Если традиционное жизнеописание – это самостоятельное целостное произведение, то лирическая биография героя восстанавливается из всей совокупности поэтического наследия автора, а избранные события жизни исторической личности становятся деталями и образами отдельных стихотворений разных лет. Подобное сверхтекстовое единство имманентно эстетике акмеизма. О нём размышляет О.Э. Мандельштам в «Разговоре о Данте»: «Всякий период стихотворной речи – будь то строчка, строфа или цельная композиция лирическая – необходимо рассматривать как единое слово» [3, т. II, с. 223]. Типологические черты лирической биографии – субъективность автора, страстная трактовка событий, почти полное перевоплощение лирического героя в образ исторического лица [2, стб. 91], самоотождествление или сравнение с ним, интертекстуальные связи с его наследием.

Г.В. Иванов начинает лирическую биографию А.С. Пушкина с детства поэта – со стихотворения «26 августа 1912 г.», посвящённого 100-летию Бородинской битвы: «Празднуем в этот день славную мы годовщину./ Вновь Бородинских знамён шелест волнует сердца./ Видит растроганный взор воинств грозные массы./ Слышит ухо пальбу, звонкие клики побед» [4, с. 14]. Младоакмеист обращается к новой для него теме национальной истории и

славы, причём символом русского величия становится подросток А.С. Пушкин: «Но сияньем иным я взволнован сегодня, -/ Не победами лишь светел двенадцатый год./ Юный Пушкин в те дни, миру ещё неведом./ Первые ласки муз в Царском Селе узнавал» [4, с. 15]. Прецедентным текстом можно считать пушкинскую лирику – «Воспоминания в Царском Селе» 1814 и 1829 годов с упоминанием «бородинских кровавых полей», воинов, почивших «при звуке песней новых» «в полях Бородина», «на кульмских высотах, в лесах Литвы суровой, / Вблизи Монмартра...» [5, т. I, с. 72; т. III, с. 149]. Вера и надежда на культурный подъём лирического героя Г.В. Иванова усилены риторическими приёмами последней строфы: «Верит сердце моё в грядущую славу отчизны! / Знаю, - последний герой не скоро умрёт на Руси./ Но, ответа страшась, судьбу вопрошать не смею./ Пушкину равный поэт будет у нас когда» [4, с. 15]. Другой претекст – стихотворение из цикла А.А. Ахматовой «В Царском Селе» (1911): «Смуглый отрок бродил по аллеям, / У озёрных грустил берегов, / И столетие мы лелеем/ Еле слышный шелест шагов» [6, т. I, с. 77]. Произведения акмеистов сближает мотив детства великого поэта и символика столетнего юбилея. А.А. Ахматова пишет «Смуглого отрока...» в 1911 г., на столетие поступления А.С. Пушкина в Лицей, и своё отношение к нему выражает интимно и аккуратно – употреблением эмотивного глагола «лелеем», звукописью, создающей ощущение тайны и нежности: [л' /л]/[ш]. Поэтесса опирается на пушкинский прецедентный текст («В начале жизни школу помню я...», 1830): «Средь отроков я молча целый день/ Бродил угрюмый – всё кумиры сада / На душу мне свою бросали тень» [5, т. III, с. 191]. Она использует аллюзию и перифраз, актуализирует читательское узнавание, формирует образ исторического времени – акмеистический панхронизм в единой точке пространства – через вещные детали (лицейская форма, зачитанная книга): «Иглы сосен густо и колко / Устилают низкие пни.../ Здесь лежала его треуголка / И растрёпанный том Парни» [6, т. I, с. 77]. В отличие от старшей акмеистки Г.В. Иванов риторичен и публицисти-

чен. Он включает в стихотворение присущие торжественной оде высокие метафорические эпитеты: «звонкие клики побед», «воинств грозные массы», перифрастическую метафору «первые ласки муз»; прямо называет фамилию великого поэта, указывает точную дату истории и современности – 26 августа 1912 года, столетие Бородинской битвы. Торжественность подчёркивается размером - нерифмованным дольником.

Пушкинская родословная организует стихотворение «В широких окнах сельский вид...» (публ. 1916): «В широких окнах сельский вид, / У синих стен простые кресла, / И пол некрашенный скрипит, / И радость тихая воскресла» [1, т. I, с. 107]. Автора и героя сближает мотив сельской идиллии, как в отрывке А.С. Пушкина «Осень»: «Но гаснет краткий день, и в камельке забытом / Огонь опять горит - то яркий свет лиёт, / То тлеет медленно - а я пред ним читаю / Иль думы долгие в душе моей питаю» [5, т. III, с. 248]. Оба поэта обращаются к повседневным деталям, воссоздавая идиллию как «поэзию счастливого быта» [2, стб. 289]. У А.С. Пушкина это естественный ход бытия: «К привычкам бытия вновь чувствую любовь / Чредой слетает сон, чредой находит голод». Г.В. Иванов в традициях акмеизма демонстрирует внимание к вещному миру, концентрирующему исчисление и течение времени: «Мне улыбается Эрот / С фарфорового циферблата». Идиллическая гармония для обоих – источник вдохновения: «И забываю мир – и в сладкой тишине / Я сладко усыплен моим воображеньем, / И пробуждается поэзия во мне», - признаётся лирический герой А.С. Пушкина. Ему вторит лирический герой младоакмеиста: «Вновь одиночество со мной... / Поэзии раскрылись соты, / Пленяют милой стариной / Потёртой кожи переплёт». Образ книг создаёт интертекстуальную связь с «романом в стихах» «Евгений Онегин» - знаковой сценой знакомства Татьяны с кабинетом Онегина. Интертекст и сближение автора с героем подчёркивается символикой литографии: «Тускнеет Наварринский бой / На литографии старинной» [1, т. I, с. 107]. Г.В. Иванов использует культурему «Наварринский бой», относящуюся к бою 1770 года в период русско-турецкой войны. А.С. Пушкин неоднократно указывает на родовую связь с этим событием, где отличился его двоюродный дед Иван Абрамович Ганнибал: «В 1770 году он взял Наваррин», - читаем в «Начале автобиографии» [5, т. VIII, с. 59]. Дважды участие И.А. Ганнибала упоминается в лирике: «Воспоминаниях в Царском Селе» (1829) и «Моей родословной» (1830). Возникает ассоциация фамилии с именем карфагенского полководца: «Вот наварринский Ганнибал»; «И был отец он Ганнибала, / Пред кем средь чесменских пучин / Громада кораблей вспылала / И пал впервые Наваррин» [5, т. III, с. 149; 199]. Для поэзии Г.В. Иванова отечественного периода имманентно обращение к живописи, а образы гравюр и литографий часто присутствуют в его лирике. В истории русской батальной живописи известно полотно И.К. Айвазовского «Наварринский бой» (1846-1848), посвящённое морскому сражению 1827 года. Младоакмеист, т.о., контаминирует в символике старинной литографии интертекст разных видов искусства. Стихотворение завершается синекдохой пушкинского наследия и образом чаепития: «Легки основы бытия... / Так, не томясь и не скучая, / Всю жизнь свою провёл бы я / За Пушкиным и чашкой чая» [1, т. I, с. 107]. В романе «Евгений Онегин» чаепитие выступает и средством иронической оценки, и деталью семейной идиллии: «Разлитый Ольгиной рукою, / По чашкам тёмною струёю / Уже душистый чай бежал» [5, т. V, с. 64]. О

таким чаепитию как идиллическом образе жизни мечтает лирический герой младоакмеиста.

Следующее обращение Г.В. Иванова к образу великого поэта датируется 1919-м годом: «Пушкина, двадцатые годы, / Императора Николая / Это утро напоминает / Прелестью морозной погоды, // Очертаньями Летнего Сада / И лёгким полётом снежинок» [1, т. I, с. 489]. Мороз и снежинки корреспондируют пушкинскому архетипу зимы, а Летний Сад напоминает о детских прогулках Онегина, которого губернёр «в Летний сад гулять водил» [5, т. V, с. 9]. Г.В. Иванов формирует панхронизм в традициях эстетики акмеизма, объединяя 1919-й и 1820-е годы, помещая своих современников в пушкинскую эпоху: «Мог бы в двадцатых годах / Рисовать туманных красавиц, / Позабыв о своих летах, / Судейкин - и всем бы нравилось». Знаки панхронизма - «автомобили, / Рельсы зелёной стали», трамваи, которые «ходить перестали». Реалии XIX и XX вв. взаимно проецируются: «Ну, и тогда кататься любили» [1, т. I, с. 489]. Ассоциируется тема катания у А.С. Пушкина: «Скользя по утреннему снегу, / Друг милый, предадимся бегу / Нетерпеливого коня»; «Как лёгкий бег саней с подругой быстр и волен» [5, т. III, с. 125, 246]. Пушкинская эпоха для Г.В. Иванова - время иллюзий, искренних надежд, которые обманула современность: «И мебель красного дерева, / Как и тогда, кажется красивой, / Как и тогда, мы бы поверили, / Что декабристы спасут Россию». Стихотворение начинается и заканчивается именем А.С. Пушкина, кольцевая композиция подчёркивает значимость его образа: «И, возвращаясь с лицейской пирушки, / Вспомнив строчку расстрелянного поэта, / Каждый бы подумал, как подумал Пушкин, / «Хорошо, что я не замешан в это» [1, т. I, с. 489]. Мысль о неучастии поэта в заговорах находит подтверждение в переписке А.С. Пушкина (1826) из Михайловского с В.А. Жуковским и А.А. Дельвигом: «Кажется, можно сказать царю: Ваше величество, если Пушкин не замешан, то нельзя ли наконец позволить ему возвратиться?»; «Вообрази, что я в глуши ровно ничего не знаю, переписка моя отовсюду прекратилась, а ты пишешь мне, как будто вчера мы целый день были вместе и наговорились досыта. Конечно, я ни в чем не замешан, и если правительству досуд подумать обо мне, то оно в том легко удостоверится» [5, т. X, с. 154, 155]. Образ неблагонадежного поэта, Южной ссылкой отзовётся в стихотворении А.А. Ахматовой «Кавказское» (1927): «Здесь Пушкина изгнание началось / И Лермонтова кончилось изгнание» [6, т. I, с. 411]. Г.В. Иванов подчёркивает неучастие поэта в заговоре – А.С. Пушкин, как и он, наблюдатель. Он переводит письменную речь пушкинской корреспонденции во внутренний монолог лирического героя и персонажа, показывая повторяемость, вечность конфликта власти с поэтом и незащитность творца.

Пушкинская судьба отзывается в стихотворении «Медленно и неуверенно / Месяц встает над землёй» (1928). В нём Г.В. Иванов выбирает драматические биографические моменты – долги и ревность. Под «слегка декадентским» зеленоватым небом повторяется круговорот вечной драмы: «Всё в этом мире по-прежнему, / Месяц встает, как вставал, / Пушкин имень закладывал / Или жену ревновал» [1, т. I, с. 291]. Претекстом мы считаем стихотворение Г.В. Адамовича «Проходит жизнь. И тишина пройдёт...», опубликованное в книге «Чистилище» (1922). Произведения объединяют движение времени и образ роковой любви. Г.В. Иванов лишь упоминает ревность к жене, а Г.В. Адамович воссоздаёт первую встречу с фа-

тальной красавицей: «Так он не вскрикнул и не поднял глаз./ Весёлого не молвил слова./ Когда комета встала в первый раз / В шелку багровом — Гончарова» [7, с. 135]. Тема Рока усиливается тревожным багровым цветом, символом кометы, интертекстуальной связью с «Портретом» (1828) А.С. Пушкина, контаминацией образов Н.Н. Гончаровой и гр. А.Ф. Закревской, «беззаконной кометы» «в кругу расчисленном светил» [5, т. III, с. 66]. Роковая комета уничтожает надежду на семейную гармонию: «Но рокот арф, ночь, и огни, и бал, -/ Всё говорило: нет спасенья./ И понял он, и мне он завещал / Тот блеск кровавый и мученья» [7, с. 135]. Стихотворение Г.В. Иванова - прецедентный текст для «Письма Антокольскому» (1963) Б.Ш. Окуджавы, где звучит мотив безденежья: «Пушкин долги подсчитывает». Если младоакмеист прячет тему гибели в подтексте, то бард откровенен: «Все враги после нашей смерти запишутся к нам в друзья» [8, с. 246]. После революции в художественном мире Г.В. Иванова творчество лишается спасительной силы и оправдания, а «музыка оказывается проявлением природного или негативного цивилизационного начала» [9, с. 186], что подчёркивает обречённость творца: «И ничего не исправила./ Не помогла ничему, / Смутная, чудная музыка./ Слышная только ему» [1, т. I, с. 291].

Драматизм сменяется трагизмом в 1931-м году: «Россия счастье. Россия свет. / А, может быть, России вовсе нет. // И над Невой закат не догорал, / И Пушкин на снегу не умирал, // И нет ни Петербурга, ни Кремля - / Одни снега, снега, поля, поля...» [1, т. I, с. 299]. Образ А.С. Пушкина с 1930-х годов связан с темой смерти, гибели России и культуры: «Закаты, тысячи закатов. Над Россией, над Америкой, над будущим, над погibшими веками. Раненый Пушкин упирается локтём в снег и в его лицо хлещет красный закат», - читаем в «Распаде атома» [1, т. II, с. 27]. У А.А. Ахматовой вечный конфликт поэта и власти разрешается посмертным торжеством поэта и культурной памяти («И отнять у них невозможно», 1959): «...поэта убили./ Николай правей, чем Ликург./ Чрез столетие получили / Имя — Пушкинский Петербург» [6, т. II, кн. 2, с.30]. У Г.В. Иванова культура обречена. П.Ф. Успенский отмечает бинарную оппозицию «культура» vs. «природа»: «...причем мнимым оказывается первый элемент, а реально существующим - второй. Действительно, в зону сомнения попадает Петербург, Кремль, закат над Невой и смерть Пушкина (Пушкин как «солнце русской поэзии» мотивирует попадание «заката над Невой» в культурное пространство), а в зону утверждения - поля, снега, которые никогда не растают, и темная бесконечная ночь» [9, с. 183]. Мифологема «солнце русской поэзии» из некролога мотивирует и мандельштамовский прецедентный текст. В статье «Скрябин и христианство» («Пушкин и Скрябин», 1916) О.Э. Мандельштам даёт пример «соборной, русской кончины» как важнейший творческий акт А.С. Пушкина и А.Н. Скрябина: «...их личность, умирая, расширилась до символа целого народа, и солнце - сердце умирающего — оставилось навек в зените страдания и славы» [3, т. II, с. 157]. Этот же мотив присущ лирике («Сёстры — тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...», 1920): «Человек умирает. Песок остывает согреть./ И вчерашнее солнце на чёрных носилках несут» [3, т. I, с. 126]. Другой претекст - «По широким мостам... Но ведь мы всё равно не успеем» (1921) Г.В. Адамовича, где звучит безнадежная нота несоответствия поколений, утраты культурных ценностей: «О, ещё

б хоть минуточку! Но щёлкнул курок пистолета./ Не могу... всё потеряю... Тёмная кровь на снегу». Тема смерти раскрывается через окружение поэта, символы холода и солнца: «Тишина, тишина. Поднимается солнце. Ни слова./ Тридцать градусов холода. Тускло сияет гранит./ И под чёрным вуалем у гроба стоит Гончарова./ Улыбается жалко и вдаль равнодушно глядит» [7, с. 71]. Г.В. Иванов тоже выбирает момент дуэли и смертельного ранения - А.С. Пушкин на снегу, актуализируя национальную мифологию смерти Поэта.

Последняя книга Г.В. Иванова «Посмертный дневник» (1958) начинается пушкинской темой: «Александр Сергеевич, я о вас скучаю. / С вами посидеть бы, с вами б выпить чаю. / Вы бы говорили, я б, развесив уши, / Слушал бы да слушал» [1, т. I, с.553]. Ирреальная модальность и непосредственное обращение к адресату по имени с отчеством придают стихотворению особую интимность, акцентируя несбыточную мечту лирического героя о встрече и диалоге с А.С. Пушкиным. Мотив чаепития формирует сверхтекстовое единство ивановской поэзии, связь «Посмертного дневника» с ранней лирикой («В широких окнах сельский вид»). Лирика Г.В. Иванова становится прецедентным текстом для стихотворения Б.Ш. Окуджавы (1964): «Былое нельзя воротить, и печалиться не о чем, / у каждой эпохи свои подрастают леса.../ А всё-таки жаль, что нельзя с Александром Сергеевичем / поужинать в «Яр» заскочить хоть на четверть часа» [8, с. 284]. Наш вывод опирается на гастрономическую символику (ужин, чай), мечту о встрече, одинаковое именование А.С. Пушкина, хотя Б.Ш. Окуджава использует разговорный, а Г.В. Иванов — литературный вариант. При сходстве образной системы стихотворения принципиально различны на эмоционально-символическом уровне. Б.Ш. Окуджава полон иллюзий «оттепели». Поэтому его финал мажорен: «Былое нельзя воротить... Выхожу я на улицу / и вдруг замечаю: у самых Арбатских ворот / извозчик стоит, Александр Сергеевич прогуливается.../ Ах, нынче, наверное, что-нибудь произойдёт» [8, с. 284]. Г.В. Иванов в последний год жизни уже смирился с абсолютной утратой надежд: «Пушкинская Россия, зачем ты нас обманула? Пушкинская Россия, зачем ты нас предала?» [1, т. II, с. 32]. «Посмертному дневнику» имманентно осознание объективно безысходного трагизма бытия, в который вовлечены и лирический герой, и лирический адресат через схожесть эмоционального состояния и обстоятельств смерти: «Вы мне всё роднее, вы мне всё дороже./ Александр Сергеевич, вам пришлось ведь тоже/ Захлебнуться горем, злиться, презирать, / Вам пришлось ведь тоже трудно умирать» [1, т. I, с. 553].

Итак, лирическая биография А.С. Пушкина осваивается Г.В. Ивановым на протяжении всего творческого пути и сопрячена темам истории и культуры. Выбор биографических событий обусловлен изменением мировосприятия поэта в связи с революцией, гибелью друзей и эмиграцией, трансформацией младоакмеиста в поэта «парижской ноты». Поэтому в 1912 году появляется отрок, овеянный исторической славой, затем усиливаются драматические ноты конфликта с властью, обречённости творца. Завершается лирическая биография А.С. Пушкина темой смерти и утраченных иллюзий в «Посмертном дневнике» (1958). Такое нарастание трагизма мотивировано предупреждением: «Обрести право опять называть Пушкина «нашим всем», подняться до него — дело долгое и трудное, которое ещё очень не скоро удастся России» [1, т. III, с. 191].

Литература:

1. Иванов Г.В. Собрание сочинений. В 3-х т. М.: Согласие, 1994. – Т.1. Стихотворения. 1993.- 656 с. – Т.2 Проза. 1993.- 480 с. - Т.3. Мемуары. Литературная критика. 1993. - 720 с.
2. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. - 1600 стб.
3. Мандельштам О.Э. Сочинения. В 2 т. М.: Художественная литература. 1990. - Т.1. Стихотворения. Переводы. - 640 с. - Т.2. Проза.- 464 с.
4. Гиперборей. Ежемесячник стихов и критики. № 2. Ноябрь 1912. – 30 с.
5. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука, 1977-1979.- Т.1. Стихотворения, 1813-1820. 1977.- 479 с. - Т.3. Стихотворения, 1827-1836.1977.- 495 с. - Т.5. Евгений Онегин. Драматические произведения. 1978.- 527 с. – Т.8. Автобиографическая и историческая проза; История Пугачёва. 1978.- 415 с. - Т.10. Письма. 1979.- 711 с.
6. Ахматова А. А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. Стихотворения. 1904-1941. М.: Эллис Лак, 1998.- 968 с. - Т. 2. В 2 кн. Кн. 2. Стихотворения. 1959-1966.1999.- 528 с.
7. Адамович Г.В. Полное собрание стихотворений. СПб.: Академический проект, Эльм, 2005. – 400 с. – (Новая библиотека поэта. Малая серия).
8. Окуджава Б.Ш. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2001. - 712 с. - (Новая библиотека поэта).
9. Успенский П.Ф. «Россия счастье. Россия свет» Г.В. Иванова и наследие Ф.М. Достоевского // Русская литература. 2016. № 1. - С. 181-189.